

● АКТЕРЫ И РОЛИ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

КОГДА за плечами у актера два десятилетия сценической деятельности, многое видится определенной и четче. Время не только фиксирует удачу и промахи, оно с неоспоримой ясностью выявляет и творческие пристрастия, темы, к которым актер тяготеет больше всего.

БУКВАЛЬНО с первых же самостоятельных творческих шагов актерская профессия лицом к лицу столкнула Васильева с главным героем нашего искусства — современником. Причем не современником вообще. По своим сценическим данным Васильеву, что называется, заранее было уготовано играть героев положительных, еще точнее — героев-рабочих, людей труда, чьими руками, говоря словами Горького, «создается всё прекрасное на земле».

Матвейкин в «Опасном спутнике» Салынского, Николай в «Размолвке» Мячина, Федя Казаков в «Саламандре» Очеретина, Андрей Ершов в «Братьях Ершовых» Кочетова, Разметнов в «Поднятой целине» Шолохова, Федор Дятлов в «Третьей патетической» Погодина...

Сопоставьте анкетные данные этих героев: шахтер, металлург, «тридцатитысячник», рабочий-чекист... А ведь это далеко не полный список, в который с каждым сезоном добавляется роль за ролью! Право же, даже чисто номинально сценическая судьба Юрия Васильева может быть названа счастливой. Сколько актеров как о

самом заветном говорят про свою мечту «играть современника». А тут!..

Но если отбросить чисто формальные критерии, эту же актерскую биографию придется честно назвать совсем нелегкой. Ибо современный герой — герой, знакомый до мелочей самому широкому зрителю. И часто «двойник» сам сидит в зале: горняк смотрит пьесу о горняке, колхозник — о колхознике. Потому-то спрос с актера вдвойне строг... А если добавить, что пьеса иной раз грешит не столь уж глубоким знанием современности и современника...

Словом, и не посвященному в таинства театра ясно, какой это «крепкий орешек» — герой сегодняшнего дня. Об актерах уж и говорить нечего. Ведь то и дело обнаруживаешь, что в том или ином спектакле, в том или ином эпизоде что-то не сделано до конца.

Васильев называет это словами «не подглядеть». Именно так когда-то, делая творческими секретами, выразился на встрече с молодыми артистами народный артист СССР Николай Крючков. Чтобы образ современного героя был точным, подчеркивал он, надо при-

стально приглядываться к людям, уметь «подглядеть» в их поведении, интонациях, жестах такое, что потом позволит сделать экранного или сценического героя удивительно «похожим» на своего жизненного прототипа...

Но это только легко сказать — «подглядеть». Увидеть, взять на вооружение в действительности трудно невероятно. И все же с первых шагов в театре Васильев стремился к этому. Когда играли Салынского — он ездил к горнякам. Работая над «Саламандрой», постоянно выбирался на ВИЗ, «подглядывал», как варят металл ребята. Запомнился один, только что пришедший из армии и стоящий лицом к огню прямо в солдатской гимнастерке. Как в бою. Запомнилась ткань, прогоревшая от искр, как будто пулями пробитая...

В дни репетиций «Братьев Ершовых» был в Нижнем Тагиле, на металлургическом. Подружился с бригадой Кочеткова. Следя за его работой, виртуозной и одухотворенной, понял, что это значит — «родиться доменщиком». И как труд открывает человека, как закаляет характер, как учит святому чувству коллективизма, то-варщества.

Однажды присутствовал на бригадном собрании по поводу ЧП. Одни из подручных решил уйти от жены.

Каждый, кто собрался тогда в квартире у Кочетковых, говорил о чужой беде, как о собственной...

И «прожженная гимнастерка» наравне с «повышенной ответственностью» и влюбленностью в труд и многим другим — все это приходило затем на сцену в спектакли о рабочем человеке. И как высшую похвалу, слушал актер после премьеры спектакля о семье Ершовых слова одного из металлургов:

— Похоже, очень похоже. Ну просто с нашего завода. Из нашего цеха. Рядом работаем...

И, наоборот, было огорчительно, когда о такой «похожести» не упоминалось даже намеком.

Естественно, что так чаще случалось в первые годы работы в театре, когда не хватало опыта. Тем дороже была помощь старших товарищей, таких опытных мастеров сцены, как народный

артист СССР В. Ильин, заслуженные артисты республики К. Максимов и Л. Охлупин... Они учили тонкости, многогранности сценического рисунка.

— Я сам часто чувствую, что мои герои получаются суховатыми. В горьковском Ниле мне важно было подчеркнуть принадлежность Нила к классу, который сметет Бессеменовых. И я, естественно, ставил акценты на «наступательные» моменты роли. То же было, скажем, и с образом Дятлова в «Третьей патетической». Непоколебимый, «железный» ленин.

— Это верно, — подсказывали мне товарищи. — Но это только часть характера Нила, Дятлова.

И начинался поиск «недостающих граней»...

В этом плане показательна работа над спектаклями «Кандидат партии» и «У времени в плену». В обоих

случаях изначальная определенность отношения актера к героям обозначается предельно броско. Васильев симпатизирует Скитальцу Морей — матросу с революционной Волжской флотилии. И ему антипатичен Анатолий Востряков — карьерист и себялюб, спекулирующий званием рабочего.

Но в «частностях» сложившийся сейчас сценический рисунок Васильева, образно говоря, диаметрально противоположен. Скиталец Морей в чем-то грубоват, ему не чужды лексикон и манеры «братишки». Только от этого еще контрастнее выделяется истинная влюбленность героя пьесы Штейна о Вишневецком в Революцию, его верность идеалам свободы и счастья.

И, наоборот, внешняя обаятельность Вострякова, его «простота», его «манеры рабочего парня» оттеняют чужеродность Востряковых в нашей жизни, объясняют, почему «хамелеонская мимикрия» делает их для нас вдвойне опасными.

...Есть такое понятие — «творческая зрелость». Последние работы Юрия Васильева безусловно свидетельствуют о наступлении этой поры в его актерской биографии. Это радостная пора — и очень трудная. С того, кто может больше, и спрашивают больше. Особенно, если тебе доверено быть «лицом к лицу» с современником.

Л. МАКОВКИН.

На снимке: Ю. ВАСИЛЬЕВ в спектакле «У времени в плену».

Фото А. Нагмина.